

Игорь Шестков "Дорогая буква Ю"

Письмо читательнице

Дорогая буква Ю., жалко, что рассказы Вам не понравились.

Впрочем, о «понравились» разумеется не могло быть и речи. Ведь и «Русалка» и «Абсент» и «Под юбкой у фрейлины» – это собственно не «рассказы», не «произведения».

Это каскадные водяные спуски... в небытие.

Как может подобное понравиться?

Тут в пору, взявшись за руки, бежать в другую сторону... что читатели и делают. И видят, как автор спускается... и пропадает в тумане.

Кстати, геморрой в «Русалке» – как пропеллер у Карлсона. Метафора.

Эти тексты – не литература, а гибель... путь, путь вниз... описанный не без кокетства – но не с читателем кокетничает мой герой, а со смертью... в тайной надежде ее смягчить... задобрить... обмануть... и все-таки пробиться назад, к жизни...

Понимаете, мои тексты – не самоцель, это я давно похерил...

Они только «протоколы»...

Раньше они были протоколами – восторгов, экстазов и ужасов ушедшей эпохи... а нынче – ухода из всех эпох...

Моя поэма конца.

Да, я жив еще... и все еще провожу мой жизненный эксперимент... пишу – устраиваю сеансы погружения в камере сенсорной депривации... в надежде ощутить напоследок еще раз вкус жизни... поймать грубым моим сачком энтелехию-бабочку... увидеть невидимое... да, увы, я, пусть и исковерканный советчиной, но «фаустовский» человек. В отпущенные мне последние годы все еще гоняюсь за прекрасной Еленой. Но уже не по московским или берлинским улицам, а по улицам ирреального города-кошмара.

...

То, что я последние годы ищу в своих текстах-лабиринтах, не рационально, не

реально. Разумное, правильное, естественное – мир Льва Толстого – мне давно надоел, даже опротивел. Мне не интересна и Достоевщина – и мое... и коллективное бессознательное...

Задачей моего эксперимента не является создание крепкого, плотного, бодрого, экспрессивного текста с красочными метафорами, лихо закрученным сюжетом, соколиным поворотом и апофеозом...

НЕТ, пусть это будет гримаса капризного существования-однодневки...

дуновение нездешнего ветерка...

Заканчиваю сеанс, как китайское гадание – и сам с любопытством смотрю на его результаты.

Что получилось, то и получилось... я никогда не переписываю текст, только поправляю лексику... эксперимент есть эксперимент, а не подгонка под что-то... любимое литературными критиками.

Мне достаточно, если в тексте хоть раз появился или проявился – иногда в самом незначительном, даже «провисающем» абзаце – новый оттенок смысла или чувства...

Показался на горизонте – необитаемый островок...

Фата-моргана...

«Прямого пути» к этому, непонятному, но влекущему нечто, нет.

Пробраться туда можно только по шатающемуся мостику над бездной.

...

Мне больше не хочется противостоять нашему главному чудовищу-минотавру – России. Черт бы ее побрал. Черт бы побрал и ее обитателей. Простите!

Я никогда не любил дачу... садоводство... а теперь сам занялся разведением экзотических растений... в метафизическом саду.

Зародившаяся в недрах московского метро клаустрофобия завладела мной безраздельно. Я часто испытываю угнетенное состояние и приступы панического страха. Испортил отношения с реальностью. И почти со всеми, кого знал...

Мои опыты – единственное, что еще меня поддерживает.

Публикую их только для того, чтобы окончательно не заблудиться в самом себе.

Иногда вылезаю на Грани – затем же. Но нет сил разбираться в деталях, а

сыпящиеся на меня со всех сторон оскорбления – как шпицрутены – стало трудно терпеть. Самоутверждающиеся идиоты – хуже камней в почках. Ну вот, получилось, что я жалуюсь... а хотел написать о своем «творчестве».

...

Не забывайте, и жалоба и агрессия автора, его экстазы и его страхи и ужасы – это всего лишь художественные приемы...

Обнимаю вас сердечно.

ИШ